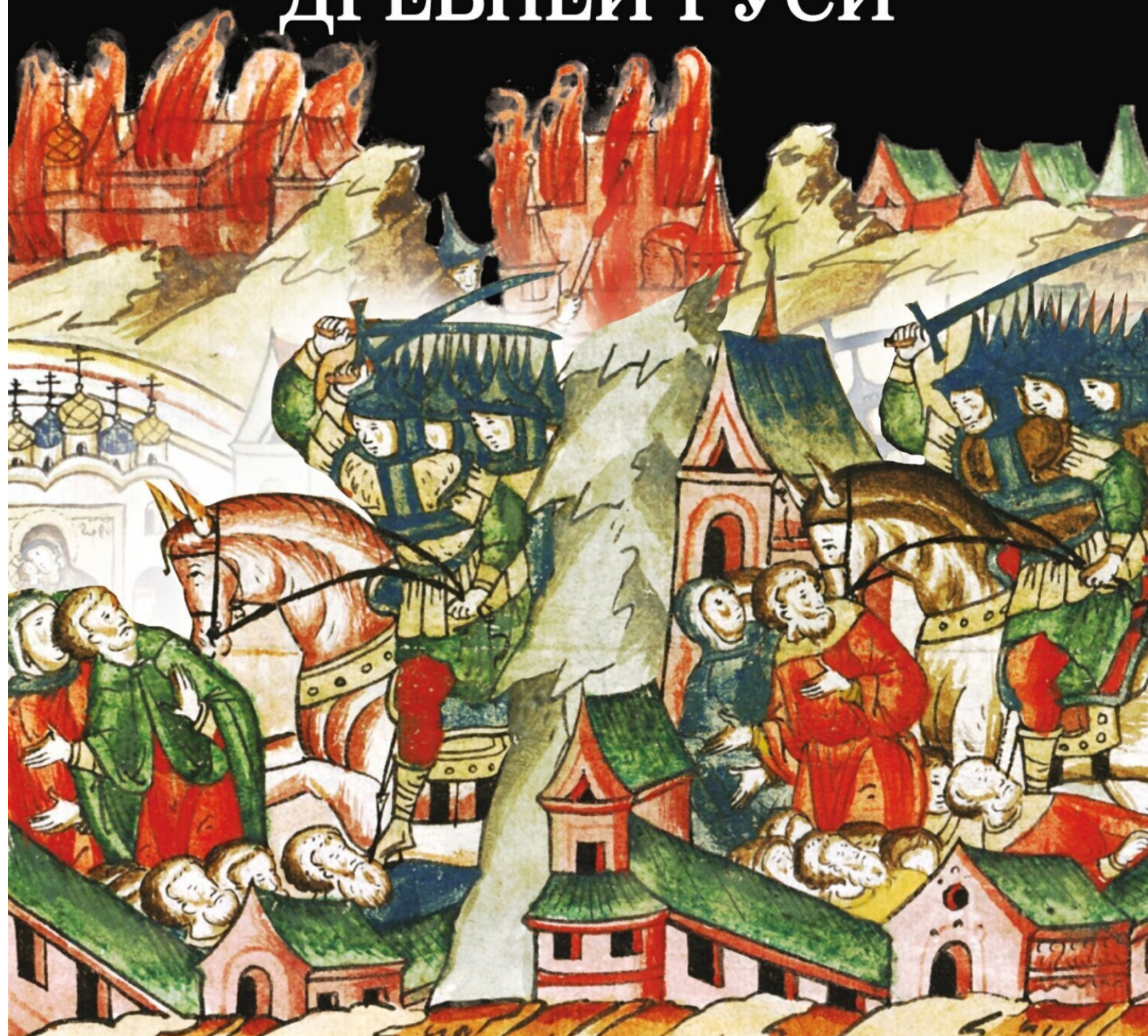

РОМАН ХРАПАЧЕВСКИЙ

АРМИЯ МОНГОЛОВ

ПЕРИОДА ЗАВОЕВАНИЯ
ДРЕВНЕЙ РУСИ

Лучшие воины в истории

Роман Храпачевский

**Армия монголов периода
завоевания Древней Руси**

«Яуза»

2022

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)4

Храпачевский Р. П.

Армия монголов периода завоевания Древней Руси /
Р. П. Храпачевский — «Яуза», 2022 — (Лучшие воины в
истории)

ISBN 978-5-9955-1039-0

В XIII в. княжества Древней Руси и государства Восточной и Центральной Европы испытали ошеломляющий натиск военной машины Монгольской империи, буквально сметающей все на своем пути. Грандиозная по своим масштабам кампания 1236-1242 гг. (общие силы монголов составляли астрономические 250-260 тыс. человек) вошла в историю войн как Великий Западный поход. Население завоевываемых областей надеялось отсидеться за стенами городов, но монголы имели не только богатый арсенал технических средств для взятия укреплений — они обладали опытными инженерными и камнемётными артиллерийскими подразделениями. Крайней западной точкой похода хана Батыя в Европу стали Польша, Чехия и Венгерское королевство (оно включало в себя Венгрию, Словакию, значительную часть бывшей Югославии), а в 1242 г. армия монголов вышла к «последнему морю» — Адриатике. В 1243 г. Батый принимал в столице Золотой Орды первых русских князей, прибывших с выражением покорности. На страницах этой книги известный специалист по военной истории Монгольской империи дает широкую картину сил и возможностей, с которыми завоеватели установили политическое господство над русскими княжествами, продолжавшееся с середины XIII по XV в., и значительной частью Восточной Европы. Впервые в исторической литературе исключительно на основе источников Монгольской империи (внутренних документов монгольской державы, ее межгосударственных актов, официальных и неофициальных докладов, свидетельств очевидцев, посещавших Монголию и монгольские ставки) показаны организация, вооружение, тактические приемы и боевое применение армии империи Чингисхана и его первых преемников. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 94(517.3)
ББК 63.3(5Мон)4

ISBN 978-5-9955-1039-0

© Храпачевский Р. П., 2022
© Яуза, 2022

Содержание

Предисловие ко 2 изданию	7
Введение	8
1. Используемый метод	9
2. Обзор основных источников	14
2.1. Внутренние источники	14
2.2. Внешние источники	23
Глава I. Основные характеристики армии монголов первой половины XIII в.	27
1. Организационная структура монгольской армии	28
1.1. Структура монгольской армии и ее подразделения	28
1.1.1. Основа монгольской армии и ее иерархия	28
1.1.2. Структурные подразделения монгольской армии	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Роман Храпачевский

Армия монголов периода завоевания Древней Руси

© Храпачевский Р. П., 2022

© ООО «Яуза-пресс», 2022

* * *

Предисловие ко 2 изданию

Настоящая книга является 2-м, исправленным и значительно дополненным изданием. Ее первый вариант был написан более десяти лет назад – в середине 2010 г. работа над ним была начата, а закончена в начале 2011 г. И в том же году книга была выпущена издательством «Квадрига». В настоящем издании не только исправлены ошибки, допущенные некомпетентной редактурой в предыдущем издании, но и ссылочный аппарат приведен в более лучшую систему (в частности, оформление ссылок соответствует удобной системе, применявшейся в отечественной востоковедной литературе в 40–70-х годах прошлого века). Кроме того, за прошедшее с 2011 г. время автором был сделан целый ряд исследований и переводов источников, которые оказываются полезными для этого нового, дополненного издания. Внесение в текст предлагаемого 2-го издания «Армии монголов периода завоевания Древней Руси» дополнительных, новых переводов источников, а также дополнительных сведений источниковедческого и востоковедного характера, расширило как аргументационную часть книги, так и привлекаемый иллюстративный материал источников.

Введение

И начаша князи про малое «се великое» молвити...
«Слово о полку Игореве»

Военное дело всегда было и есть отражение социально-политического состояния общества. Армия монголов XIII в. не исключение. Сам характер монгольского общества того времени – кочевническая имперская конфедерация – определял многие черты военной организации армии Чингисхана и его преемников как типичного войска центральноазиатских кочевников, стоящего в одном ряду с армиями сюнну (хунну), жужаней, тюрков, киданей и даже чжурчжэней¹. Первая и главная черта, объединяющая их всех, была в том, что в отличие от оседлых народов военным делом занимался и был к нему вполне подготовлен каждый член социума кочевников или охотников (как в случае чжурчжэней). В этом их коренное отличие от организации армий развитых оседлых государств, их соседей или объектов их военной экспансии. Несмотря на многие сходные черты, только армия монголов достигла результатов, намного превосходящих то, чего добились другие кочевые империи. В этом заключается тот непреходящий интерес, который проявляют целые поколения исследователей к государству Чингисхана и его преемников. В настоящей работе предпринимается попытка рассмотреть только и исключительно военную машину Монгольской империи (до конца 60-х – начала 70-х гг. XIII в.) с минимумом обращений к описанию монгольских социально-экономических реалий, поскольку они давно и неплохо изучены, а потому желающие всегда могут обратиться к необходимой литературе². Для рассмотрения этой машины в действии взят для иллюстрации длительный и грандиозный по масштабам поход монгольской армии Батыя в Восточную Европу. Предлагаются также новые подходы в использовании источников – как по подбору основного корпуса источников, так и по методике его применения.

¹ Чжурчжэни, создавшие в начале XII в. на территории Северного Китая империю Цзинь (1125–1234 гг.), происходили от тунгусо-маньчжурских народов, издавна живших охотой.

² Обзор такой литературы см.: Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. Империя Чингис-хана. М.: Восточная литература РАН, 2006.

1. Используемый метод

В большинстве работ по Монгольской империи господствуют стремление использовать как можно большее количество источников и предпочтение ранних и современных событиям текстов более поздним. Степень достоверности фрагментов с описаниями реалий и критика всего источника часто отходят на второй план. Обычно ограничиваются сверкой сообщений разных источников, чтобы установить существование описанного в них факта истории³. Необходимо сформулировать новые подходы к изучению военной истории монголов первой половины XIII в.

Неудовлетворительность выбора корпуса главных источников определяется отсутствием достаточного понимания степени их достоверности. Это связано со слабой критикой источников из-за ее сугубо специального характера, доступного только востоковедам соответствующего профиля. Часто демонстрируется отношение к сложным источникам, состоящим из разновременных и разнородных частей по жанру и по авторству, как к единому целому. Тенденциозность источников не принимается в расчет или, наоборот, неправомерно им приписывается. В этом отношении особенно «везет» таким огромным сводам информации, как «Юань ши» или даже «Сборник летописей» Рашид ад-Дина, которые были созданы более чем через 100 лет после появления государства Чингисхана.

При анализе свидетельств современников событий часто не проводится грань между сведениями очевидца и записью чужих сообщений, слухов и домыслов. Это можно проиллюстрировать на примере преувеличения монголами численности своей армии во время похода против империи Сун в 1258 г. По приказу каана Мэнгу «войско в 40 000 [человек] было объявлено называющимся “Стотысячная армия”»⁴. Монголы использовали достоверные сведения в своей дезинформации, поэтому даже в слухах современников есть зерно истины⁵. Однако принимать их в расчет без критического анализа рискованно.

В настоящей работе предпринята попытка выйти из описанных ловушек и применить иную методику. Во-первых, отбирается основной корпус источников и ранжируется по степени достоверности, содержательности и точности данных. Во-вторых, проводится сверка сообщений источников по конкретному факту/событию между данными этого корпуса источников (второстепенные источники привлекаются в качестве иллюстраций). Все источники условно подразделяются на «внутренние» и «внешние». Именно сверка данных из группы «внешних» источников с данными из «внутренних» является основой для анализа достоверности рассматриваемых сведений. Далее факт или событие осмысливается в контексте исследуемой темы и приводится в общую систему с другими данными.

Дадим определение этого деления на источники «внутренние» и «внешние». К первым относятся те, которые содержат официальную информацию и отражают внутренний докумен-

³ Не является исключением и предыдущая книга автора «Военная держава Чингисхана» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана, М.: АСТ, 2004), задуманная в 2002 г. как своего рода мини-энциклопедия по истории государства Чингисхана и его первых преемников. В этих рамках она требовала привлечения как можно большего числа разнообразных источников. С того времени автором был учтен ряд замечаний, сделаны новые переводы источников и найдены новые сведения в них, а также исправлены и дополнены некоторые выводы и результаты исследования источников, уточнена степень их достоверности.

⁴ Цит. по: *Юань ши*, Чжунхуа шуцзюй чубань. Пекин, 1997 (кит.), стр. 51.

⁵ Часто используемое в литературе сообщение монаха Юлиана (1237 г.): «Говорят, что в войске вместе с ними пребывают двести сорок тысяч рабов-неединоверцев, а также сто тридцать пять тысяч отборнейших мужей-единоверцев, стоящих в строю» (цит. по: *Аннинский С. А.* Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах в Восточной Европе // ИА, том III. М.-Л., 1940, стр. 90) надо воспринимать критически. Разумеется, армия Батыя не могла достигать таких цифр. Если Юлиану эту цифру сообщил «посол» монголов, то это дезинформация, несущая тем не менее и реальные факты: цифра 135 тыс. воинов-монголов почти совпадает с численностью так называемых «монгольских» войск всей империи (а не войск одного Бату), роспись которых была зафиксирована после смерти Чингисхана и сохранена в сочинении Рашид ад-Дина. Подробнее см. далее, в гл. I.

тооборот монгольской канцелярии державы Чингисхана, а позже – империи монголов, причем как ее Центрального улуса (позднее империя Юань), так и других улусов (Золотая Орда, ильханат Ирана, государство Чагатаидов), сохранявших в своих архивах многие документы времен Чингисхана и его преемников⁶. Вторые же представляют собой отчеты иностранных дипломатов, разведчиков, путешественников к монголам в первой половине XIII в., которые лично наблюдали Монгольское государство и его армию, а также оставили подробные и достоверные записки об увиденном и услышанном от своих монгольских (и, конечно, немонгольских) информаторов.

Сообщения о монголах, пусть и синхронные событиям, но написанные с чужих слов, т. е. со слов людей, личности которых не конкретизированы, в указанный корпус основных «внешних» источников данной книги не включаются⁷. Ведь даже самый добросовестный хронист не был застрахован от дезинформации в сведениях о монгольской армии, как это было показано выше. Только «внутренние» документы Монгольского государства могут быть единственной основой для изучения таких тем, как состав, численность, структура, система призыва и личности командующих и полководцев монгольской армии. Значительно меньше в них сохранилось данных по тактике, разведке и стратегии. Зато из них можно почерпнуть многое о ходе событий, в частности о ходе боевых действий и их результатах. «Внешние» же источники дают очень много достоверной информации об осадном искусстве, вооружении, боевых качествах, коневодстве, тактике, разведке и системе связи монгольской армии.

Значение «внутренних» источников тем более велико, что для начального этапа существования державы Чингисхана они выполняли чисто утилитарные цели, не неся дополнительной идеологической или политической нагрузки. Ведь, согласно канонической версии, Чингисхан в 1204 г. впервые узнал о важности письменности, а уяснив ее значение для управления государством и армией, немедленно приказал начать обучение ею своих сыновей и самых близких к нему соратников⁸. Уже в 1206 г. он поручает приемному сыну своей матери Шиги-Хутуху вести так называемую «синюю тетрадь (*коко-дебтер*)» для росписи повинностей всего подвластного ему кочевого населения и копий судебных решений. «На эти слова Чингисхан ответил Шиги-Хутуху: “...Произведи ты мне такое распределение разноплеменного населения государства: родительнице нашей, младшим братьям и сыновьям выдели их долю, состоящую из людей, живущих за войлочными стенами, так называемых подданных (ирген); а затем выдели и разверстай по районам население, пользующееся деревянными дверьми. Никто да не посмеет переиначивать твоего определения!” Кроме того, он возложил на Шиги-Хутуху заве-

⁶ Эти документы в большинстве своем сохранились, разумеется, не в своем натуральном виде, а как их списки (цитирования), созданные для различных нужд и сохраненные в текстах заинтересованных лиц. Механизм такого сохранения объясняется ниже – на примере Юань. Наличие недавно изданного в КНР огромного компендиума «Цюань Юань вэнь (Полное собрание литературных текстов Юань)», далее – ЦЮВ, позволяет привлекать юаньские тексты конца XIII – начала XIV в., где сохранены сведения из канцелярии монгольских первых каанов, начиная с Чингисхана и Угэдэя.

⁷ В редком случае современных событий хрониста, добросовестность которого проверена и не вызывает сомнений, а его сведения персонализированы (т. е. даны точные ссылки на источник информации), возможно привлечение его данных для иллюстраций и т. п. Одним из примеров такого хрониста был Ибн ал-Асир (умер в 1232/33 г.).

⁸ В жизнеописании уйгура Тататунги в составе ЮШ подробно рассказывается о таком решении Чингисхана (там он называется Тай-цзу – по его храмовому имени в династии Юань): «Тататунга, человек из уйгур. По природе был умен и сообразителен, отлично рассуждал и беседовал, глубоко познал отечественную письменность. Найманский Таян-хан ценил его и сделал наставником, поручив ведать золотой печатью и налогами. Тай-цзу пошел походом на запад, и Найманское государство погибло. Тататунга взял за пазуху печать и бежал. Его сразу поймали. Государь стал расспрашивать [его] так: “Народ Таян-хана” весь перешел ко мне, так зачем ты нес с собой печать?” [Тататунга] ответил так: “Подданный [знает свой] долг!...” Государь сказал так: “Верный и почтительный человек!” – и спросил, для чего используется эта печать? [Тататунга] ответил так: “Она используется для подтверждения подлинности [указов хана] по всем делам, когда взимаются налоги и назначаются люди [на должности]”. Государь одобрил это... Государь спросил его так: “Хорошо ли ты знаешь письменность родной страны?”... и приказал после этого [Тататунге] обучить царевичей и князей крови писать на своем языке уйгурскими буквами», цит. по: *Юань ши...* стр. 3048. Есть в ЮШ известия и о других уйгурских учителях при дворе Чингисхана – например, об уйгуре Кара-Икачибере и его сыне как об учителях Чингисидских царевичей рассказывается в их жизнеописаниях в ЮШ (там же, стр. 3046).

дование Верховным общегосударственным судом – Гурдереин-Дзаргу, указав при этом: “Искореняй воровство, уничтожай обман во всех пределах государства. Повинных смерти – предавай смерти, повинных наказанию или штрафу – наказуй”. И затем повелел: “Пусть записывают в Синюю роспись “Коко Дефтер-Бичик”, связывая затем в книги, росписи по разверстанию на части всеязычных подданных “гур-ирген”, а равным образом и судебные решения. И на вечные времена да не подлежит никакому изменению то, что узаконено мною по представлению Шиги-Хутуху и заключено в связанные (прошнурованные) книги с синим письмом по белой бумаге. Всякий виновный в изменении таковых подлежит ответственности”»⁹.

Созданные таким образом документы предназначались для самых насущных и практических нужд, почему в них отсутствовали как присущая для более развитых обществ бюрократическая тенденциозность (любого характера), так и то, что можно назвать современным понятием «приписки». Высокую достоверность документам канцелярии Чингисхана и его первых преемников придавали и другие особенности начальной монгольской канцелярии. Дело в том, что некоторые из ее *битикчи* (монг. «писарь, писец») были одновременно и крупными военачальниками, а общее число их было небольшим. Немонголы в этой канцелярии ведали в основном вопросами, связанными с управлением захваченными оседлыми странами. Вопросы же военного характера доверялись либо монголам, либо представителям народов, которые монголы считали близкими себе и которым доверяли (кидани, уйгуры). Поэтому число *битикчи*, ведавших военным делом, было очень невелико, и все они находились под контролем, а создаваемые ими тексты помещались в секретный архив.

Отражением высокой достоверности текстов, вышедших из канцелярии каана, является тот факт, что, кроме опубликованных документов, остальные ее архивы хранились в строго охраняемой части ханской ставки и считались секретными. Причем часть документов запрещалось выдавать даже высшим чиновникам, а допускались к ним только хан и часть его близких¹⁰. Этот порядок существовал от Чингисхана и до его преемников, более того – он продолжался и в улусах Монгольской империи, даже когда они стали независимыми государствами. Среди секретных документов архива были и первые монгольские хроники, а также родословные «золотого рода» Чингисхана, его братьев и даже некоторых жен. Тем не менее со временем по разным поводам из документов, хранившихся в архиве канцелярии каанов, потомки высших сановников времен Чингисхана и Угэдэя стали получать выписки и своеобразные «справки», необходимые им для различных нужд – чаще всего в мемориальных целях вроде создания развернутых эпитафий на могилах своих отцов и дедов или стел при храмах их предков (подробнее об этом ниже). Разумеется, делалось это не иначе как по специальному разрешению каана (императора Юань) и оформлялось специальным императорским указом, текст которого затем бережно хранился в семьях этих сановников.

К сожалению, из всей секретной части архивов монгольских каанов до нас в полном виде дошел единственный текст на монгольском языке с вариантом истории «золотого рода» – «Сокровенное сказание». Другие варианты истории Чингисхана, собранные в так называемой «Алтан дебтер» («Золотой книге»), целиком не сохранились. Текст «Алтан дебтер» известен только в цитатах и извлечениях (иногда весьма пространных), которые сохранились в дру-

⁹ Цит. по: Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un niruca tobciyan*. Юань чао би ши (Монгольский обыденный сборник). Т. 1. Введение, перевод, тексты и глоссарии. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1941, стр. 159–160. Далее цитирование «Сокровенного сказания» производится по этому изданию в переводе С. А. Козина.

¹⁰ В составе ЦЮВ сохранился текст крупного юаньского чиновника и историографа Юй Цзи (1272–1348 гг.), где говорится: «Совершались при этом официальные записи [деяний] под знаменами дракона и стягами солнца с луной (*т. е. под знаменами монгольского каана*. – Р. Х.), делались собрания [записей об] его [т. е. императора] подвигах и свершениях, которые [хранились] в золотых сундуках в каменных палатах. Меры секретности [по отношению к ним] были чрезвычайно жесткими, посторонним императорскому дому было нельзя ни получить, ни даже увидеть или узнать [их содержание]», цит. по: Юй Цзи. Мэнгу Тоба гун сяньин бэй мин (Мемориальная надпись стелы кладбища предков господина [из рода] монгольских Тоба) // «Полное собрание литературных текстов Юань» т. 27. Нанкин, 2004 (кит.), стр. 405.

гих, немонголоязычных источниках. Зато содержания многих выписок и «справок» касательно событий военной истории, связанных с деятельностью многих полководцев (своего рода их «послужных списков») времен Чингисхана, Угэдэя и их преемников, дошли до нас в виде текстов различных памятных стел в их честь, а также разного рода эпитафий. Корпус таких документов, извлечений из «послужных списков» (хранившихся в вышеупомянутых секретных частях архивов), довольно обширен и до сих пор не полностью исследован. Далее будут использоваться некоторые результаты изучения таких документов, сделанные автором настоящей книги за последние годы¹¹.

До сих пор в литературе основными внешними источниками по армии Чингисхана и его преемников (вплоть до Мэнгу-каана) почти у всех европейских военных историков являются сообщения Плано Карпини, Бенедикта Поляка¹² и Гильома Рубрука. К ним в разных пропорциях добавляются сведения из «восточных источников» – в меру пристрастий конкретного автора и самого наличия переводов. Причина тому как относительная подробность описаний европейских путешественников, так и возможность оценить их достоверность ввиду лучшего понимания современными историками мировосприятия средневекового европейца. Данные же восточных путешественников к монголам привлекаются как вспомогательные в той мере, в какой они подтверждают сообщения «основных» европейских источников.

Происходит это потому, что критика восточных источников обычно недоступна для большинства авторов, они зависят как от уровня переводов, так и от самого их наличия (а чаще отсутствия), т. е. от степени доступности опубликованных исследований востоковедов. В результате сообщения европейских миссий к монголам ставятся во главу угла, хотя очевидно, что они представляют собой сильно искаженное изображение, преломленное через призму средневекового мировоззрения. По сравнению с китайскими авторами европейские путешественники не только страдали от неспособности адекватно понимать информаторов, но и были жертвами «культурного шока» при встрече с развитой кочевой цивилизацией, в то время как китайцы взаимодействовали с ней к тому моменту уже как минимум полтора тысячелетия.

Надо отметить, что китайских путешественников в кочевом мире в первую очередь интересовали аспекты его военно-политического и дипломатического взаимодействия с Китаем. Это было вызвано практическими задачами контроля за ситуацией на границах с беспокойными степными соседями. Вот что писал выдающийся историк и крупный чиновник сунского Китая Оуян Сю (1007–1072 гг.) о необходимости постоянного и тщательного контроля за ситуацией за пределами собственно ханьских земель: «Начиная с древности восточные и северные варвары, имевшие сношения со Срединным государством, не обязательно подчинялись ему, а не имевшие сношений не обязательно не являлись ко двору. Хотя в зависимости от расцвета или упадка варваров их иногда и оставляли вне управления, однако нельзя упускать возможностей держать варваров на привязи и случаев проявления к ним милостей и величия» и, далее, как резюме – «если они подчиняются или бунтуют, уходят или приходят, что может принести Срединному государству пользу или вред, это следует знать»¹³.

¹¹ Наиболее полно их результаты представлены в следующих двух работах: Храпачевский Р. П. Юаньские источники XIII века о походах монголов на Русь и Восточную Европу // «Комплексный подход в изучении Древней Руси. Материалы X Международной конференции». М., 2019; Храпачевский Р. П. Отражение монгольских первоисточников XIII века в династической истории «Юань ши». На материале походов монголов на Русь и в Восточную Европу // «Древнейшие государства Восточной Европы. 2021 год: Восточная Европа и мир ислама. К юбилею Татьяны Михайловны Калининой». М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2021.

¹² Он был участником миссии Плано Карпини к монголам. Его собственный рассказ о ней (записан в 1247 г.) см. в The Mongol Mission. Narratives and Letters of the Franciscan Missionaries in Mongolia and China in the Thirteenth and Fourteenth Centuries. N. Y.: Sheed and Ward, 1955.

¹³ Цит. по: Оуян Сю. Удай шицзи (Записи по истории Пяти династий) // Материалы по истории древних кочевых народов группы дунху. М.: Наука, 1984, стр. 11.

Явно назрела необходимость дать характеристику монгольской армии по сообщениям китайских путешественников и послов-разведчиков, привлекая аналогичные сведения европейских источников только для сравнения. Это тем более оправданно, поскольку записки китайских путешественников писались с присущими китайской историографической традиции прагматизмом и вниманием к наблюдаемым фактам, при минимуме идеологической нагрузки, что было, так сказать, «вбито в подкорку» тысячелетней конфуцианской традицией воспитания элиты страны¹⁴. Начиная с середины I тысячелетия до н. э. китайцы активно общались с кочевым миром и выработали стройную систему как сбора достоверных сведений об окружающих Срединное государство народах степи, так и принятия военно-политических решений на их основе¹⁵. Китайские послы (и по совместительству шпионы) очень рано стали появляться у монголов, т. е. задолго до европейцев, которые видели монголов на пике их могущества, в то время как китайцы наблюдали динамику развития государства Чингисхана и его преемников¹⁶.

Прежде чем перейти к анализу сведений, отобранных в целях настоящей работы основных источников, следует дать краткий экскурс в истории их создания, а также определить их жанровые и иные особенности. Этот обзор источников проводится по отдельности для внутренних и внешних источников, для того чтобы яснее охарактеризовать степень их достоверности для исследования различных аспектов функционирования монгольской армии первой половины XIII в.

¹⁴ В основополагающем конфуцианском трактате «Лунь юй», в разделе «Осуществлять правление» (посвящен проблемам государственного управления и обучения элиты для этих целей) утверждается как один из основных критериев познания жесткое требование Конфуция о необходимости полагаться исключительно на реальные факты и отказа от фантазирования: «...научить ли тебя, как определять знание? Если знаешь что-либо, полагай, что знаешь; а если не знаешь – полагай, что не знаешь. Это и есть знание» (Лунь юй, гл. Вэй чжэн, 17).

¹⁵ Уже в период Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) была выдвинута концепция «и и чжи чжи» («руками варваров управлять ими»), ставшая основой для многовековой стратегии отношения Китая к окружавшему его кочевому миру. Политика использования одних кочевых народов против других требовала постоянного отслеживания ситуации среди них и должна была покоиться на регулярной и хорошо поставленной разведке, именно это имел в виду Оуян Сю в приведенном выше пассаже.

¹⁶ Вот перечень только тех официальных посольств к монголам (и их даты), от которых дошли до нашего времени письменные документы: 1220 г. – посольство Чжао Хуна; 1221/22 г. – посольство Угусунь Чжундуаня; 1233 г. – посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе и был Пэн Да-я в качестве «чиновника по составлению официальных бумаг»); 1236 г. – второе посольство Цзоу Шэнь-чжи (в его составе был Сюй Тин в качестве секретаря миссии). О существовании еще целого ряда миссий мы знаем по упоминаниям в источниках того времени (см.: Bretschneider E. Medieval Researches from Eastern Asiatic Sources. London, 1910).

2. Обзор основных источников

2.1. Внутренние источники

К ним в настоящей работе относятся: в первую очередь монгольское «Сокровенное сказание»¹⁷ (далее – СС); затем «Хуан Юань Шэн-у цинь-чжэн лу (Описание личных походов Священного-воинственного [Чингисхана] августейшей династии Юань)» (в русской литературе обычно упоминается его сокращенное название «Шэн-у цинь-чжэн лу», далее – ШУЦЧЛ); «Да Юань шэн-чжэн гочао дянь-чжан (Установления священного правления правящей династии Великая Юань)» (сокращенно «Юань дянь-чжан», далее – ЮДЧ); «Таарих-и джахангуша (История Покорителя вселенной)» Ата-Малика Джувейни; «Джами ат-таварих (Сборник летописей)» Рашид ад-Дина (далее – РД); «Юань ши (Официальная история династии Юань)» (далее – ЮШ). Последнюю можно, в определенном смысле, относить также и к монгольской историографии, поскольку значительная часть ЮШ состоит из воспроизведения монгольских (юаньских) документов. Кроме того, привлекаются сведения из юаньских эпитафий, «стел на пути духа (*шэньдаобэй*)» и прочих видов мемориальных текстов конца XIII – первой трети XIV в., отражающих содержание документов из архивов монгольской канцелярии каанов (в первую очередь «послужных списков» различных соратников Чингисхана, Угэдэя, Гуюка и Мэнгу-каана), сохраненных в составе ЦЮВ.

Безусловно, на первом месте по своей значимости находится «Сокровенное сказание», или «Секретная история монголов» (используется и другой вариант перевода – «Тайная история монголов»), – написанное в 1240 г. в жанре богатырского эпоса монгольское историческое повествование. «Сокровенное сказание» дошло до нас в виде транслитерированного китайскими иероглифами монгольского текста под заголовком на китайском языке «Юань-чао би-ши»¹⁸. Монгольский текст его сопровождался подстрочными (точнее, междустрочными – текст был написан на разлинованном китайском листе с вертикальными строками, перевод каждого монгольского слова написан параллельно мелкими иероглифами) переводами, дающими китайское значение каждого монгольского слова, а также сокращенными связными переводами каждого абзаца (точнее, подробными их пересказами). Создание такого удивительного литературного памятника относится к последней четверти XIV в., когда в минском Китае была создана «Сы-и гуань» – «Школа для изучения языков варваров четырех стран света». Главным отделением этой школы было монгольское – отношения с Монголией на тот момент для Мин, балансировавшей на грани новой войны с монголами, были приоритетными. Преподавателями были этнические монголы, которые вели обучение и готовили необходимые учебные материалы.

Создателем транскрипции и китайских переводов СС в составе «Юань-чао би-ши» был монгол Хо Юань-цзе, получивший китайское образование. Он сумел создать простую и надежную систему транскрипции монгольских звуков определенным набором китайских иероглифов (мнемонических). С ее помощью были созданы как монгольско-китайский словарь «Хуа-и и-юй», так и объемный монгольский текст, транскрибированный иероглифами, служивший в качестве пособия для учебных целей, т. е. собственно «Юань-чао би-ши». До нас также дошли еще 12 пособий подобного рода. Обо всем этом нам известно из документов Минской эпохи.

¹⁷ Это устоявшееся русское название памятника. Его оригинальное монгольское название «Монгол-ун ниуча тобчиан (Тайная история монголов)».

¹⁸ Букв. «Секретная история династии Юань». Это китайское название для транскрибированного китайскими иероглифами монгольского текста СС и его сокращенного китайского перевода.

В составе «Мин шилу», точнее, в *шилу*¹⁹ деяний минского императора Хун-у, сохранилось следующее известие: «В 15 году правления Хун-у, в день бин-суй первого месяца (20 января 1382 г.), было повелено составить тематический китайско-инородческий словарь по категориям... предшествующая династия Юань не имела собственной письменности для издания постановлений и опубликования приказов, а просто заимствовала уйгурскую систему письма, чтобы создать монгольские буквы для перевода на монгольский язык Поднебесной. Теперь император повелел чиновникам Ханьлиня – толкователю текстов Хо Юань-цзе и редактору Ма-ша и-хэй перевести монгольские слова на китайский язык. Были собраны слова по астрономии, географии, человеческим отношениям, животному миру, одежде и пище, орудиям и утвари, и вообще ничего не было упущено. Кроме того, взяли «Юань би-ши» как пособие и транскрибировали китайскими иероглифами монгольские слова так, чтобы это соответствовало звукам их [т. е. монгольской] речи. Когда работа была выполнена, последовал указ о ее напечатании и выпуске. С этого времени китайские посланцы в монгольские степи были в состоянии понимать положение дел и намерения монголов»²⁰. К сожалению, оригинального текста СС, т. е. записанного уйгурицей, пока не обнаружено, хотя еще в XVII в. Лубсан Данзан, составляя свое сочинение «Алтан тобчи», пользовался таким его списком.

Несмотря на то, что СС и несет черты богатырского эпоса, к концу повествования оно приобретает все более хроникальный характер. СС имеет довольно сложный составной характер. Исследователями выделяется обычно три крупных блока, написанных как минимум двумя авторами (плюс редакторы окончательной версии СС), которые в итоге были скомпилированы в единое целое как известное нам «Сокровенное сказание»: 1. История рода Чингисхана и его борьбы за власть в степи (она единственная имеет название внутри самого СС – «Родословие Чингисхана»). 2. История его державы после провозглашения кааном и до его смерти (в конце августа 1227 г.), условно называемая «Летопись Чингисхана». 3. Хроника царствования Угэдэя, доведенная до осени 1240 г., условно называемая «Летопись Угэдэя». Первые две части, по мнению большинства исследователей, написаны одним человеком. «Летопись Угэдэя» же была составлена, вероятно, несколькими (не менее чем двумя) людьми – автором записей событий царствования Угэдэя (собственно хронистом) и редактором (или редакторами), которые в итоге скомпилировали весь памятник.

Как выше уже сказано, сложный характер памятника требует дать ему некоторые пояснения насчет жанров, его составляющих. На народные предания, обработанные автором первых двух частей СС, накладывались отредактированные записи мемуаров участников событий и дальнейшие попытки автора писать в манере, близкой к летописной. Поэтому хронология до 1204–1206 гг. в СС изобилует анахронизмами и требует уточнения по другим данным. Существует диспропорция между сведениями о внутримонгольской политике и о внешней экспансии государства Чингисидов в пользу первой. Есть довольно аргументированная гипотеза о том, что авторство первых двух частей СС принадлежит Шиги-Хутуху – одному из самых выдающихся сподвижников Чингисхана, бывшего приемным сыном матери Чингисхана и первым Великим судьей Монгольского государства. Возможно также, что он участвовал и в процессе объединения и редактирования уже всех трех частей, составивших тот вид СС, что дошел до

¹⁹ Букв. «правдивые записи», их в старом Китае составляли особые чиновники *шигуань* (департамент истории), которые были обязаны ежедневно фиксировать в этих *шилун* события царствования императора на протяжении всей его жизни. По существовавшим законам эти записи нельзя было ни посмотреть, ни изменить. На их основе составлялись официальные истории правивших Китаем династий – такова была традиция, установившаяся после Сыма Цянь и Бань Гу, написавших первые две династийные истории в Китае (из 24 «официальных историй», созданных за всю его историю).

²⁰ Цит. по: Панкратов Б. И. Изучение восточных языков в Китае в период династии Мин (1368–1644) // Страны и народы Востока, вып. 29. СПб.: Петербургское востоковедение, 1998, стр. 113. Печатные экземпляры словаря «Хуа-и и-юй» (7 экз. издания 1389 г.) и 41 лист из минского печатного издания 1380-х гг. «Юань-чао би-ши» были найдены в 1933 г. на старых складах «Нэйгэ даку» на территории императорского дворца. Их лично видел и изучил Б. И. Панкратов в Пекинской библиотеке в 30-х гг. XX в.

нас. Но это пока только предположение. Одновременно Шиги-Хутуху был первым монгольским книжником и довольно неудачливым полководцем. В пользу этой гипотезы косвенно указывает непропорционально большое число его упоминаний в первых частях СС, часто с уменьшительными формами-именованиями, а описание его жизни в СС ведется с самого начала (единственный случай в СС помимо самого Чингисхана), при почти полном игнорировании крайне неприятного для него факта поражения от Джелал ад-Дина (самого крупного поражения монголов за весь период правления Чингисхана) и т. п.

Работу по восстановлению монгольского текста СС и его перевод провели всего в нескольких странах. В России ее выполнили С. А. Козин и Б. И. Панкратов. Перевод первого был опубликован в 1941 г. и вызвал ряд замечаний. Он носит литературный характер, в целом хорошо передающий смысл СС, но в ряде моментов неточен. Лингвистически более точным является перевод Б. И. Панкратова (к сожалению, сохранились его переводы только $\frac{2}{3}$ от числа всех параграфов СС). При условии вычленения традиционных эпических элементов и сверки хронологии СС является самым ценным источником по ранней истории монголов и становлению государства Чингисхана. Менее подробны сведения СС по походам монголов, но они могут быть восполнены данными многочисленных внешних источников (из стран, в которые происходило вторжение). Зато крайне ценны сведения СС по организации и функционированию монгольской армии первой половины XIII в., внутреннего характера, поскольку они не были предназначены для чужих глаз, но для информирования и воспитания новых поколений монгольских ханов, что обеспечивает высокую достоверность. Правда, сложность текста, написанного старописьменным монгольским языком, с использованием множества редких терминов, до сих пор оставляет много спорных моментов в точности понимания реалий монгольского общества начала XIII в. Это касается и военного дела в описаниях СС.

Сочинение «Шэн-у цинь-чжэн лу», написанное в 1290-х гг. монголом Чаганом, содержит практически в неизменном виде образчики монгольской историографии конца XIII в. Во многом это подражание «Сокровенному сказанию»²¹, точнее, сочинение на его основе – Чаган в царствование Буянту-хагана, который «восхищался древностями»²², делал по заказам последнего переводы. Так, в «Юань ши» в жизнеописании Чагана сообщается, что Чагану от Буянту-хагана «еще последовал указ перевести “Ди-фань”»²³. Потом [ему] еще было приказано перевести “То-би-чи-янь”²⁴. Перевод стал известен как “Шэн-у кай-тянь цзи”, и вместе с “Цзинянь цзуаньяо” (“Существенное из погодных записей”), “Тай-цзун пин Цзинь ши-мо” (“Хроника умирения Тай-цзуном Цзинь от начала до конца”) и прочими сочинениями [они] все были переданы в *шигуань*²⁵²⁶. Если о степени исполнения указа о переводе «Ди-фань», наверное, неизвестно (этот перевод до нас не дошел), то о переводе/пересказе «Тобчиян» в виде сочинения «Шэн-у кай-тянь цзи», которое, возможно, переименовали в «Шэн-у цинь-чжэн

²¹ См. *Чулуны Далай*. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983, стр. 15.

²² Он же Жэнь-цзун по храмовому имени, правил в 1312–1320 гг. См. *Юань ши...* стр. 3309.

²³ *Букв.* «законы/установки государя». Название *дифань* представляет жанр китайских наставлений императорам, но тот факт, что данный «Дифань» переводился на китайский язык с монгольского языка, указывает на то, что привычным для китайцев названием был обозначен официальный монгольский документ, а не китайское сочинение. Поэтому это скорее всего транскрипция монгольского слова «дэбтэр» в персидской огласовке «дефтер», т. е. именно то сочинение, которое цитирует Рашид ад-Дин, – «Алтан дефтер». Это название было транскрибировано такими китайскими иероглифами, которые к тому же имели определенный смысл, сходный со смыслом исходного монгольского документа, – ведь «Алтан дэбтер» тоже содержал как назидания монгольским ханам, так и законы, по которым они должны были править.

²⁴ Там же. «Тобчиян» по-монгольски «краткая история», ср. с названием СС по-монгольски «Монгол-ун ниуча тобчиян».

²⁵ Коллегия историографов (или «департамент историографии»), ведавших записями *шилу* (см. выше сноску 1 на стр. 9) и составлением династийных хроник. Была существенной частью государственного аппарата во всех государствах старого Китая. См. *Юань ши*, стр. 3310.

²⁶ *Юань ши...* стр. 3311.

лу»²⁷, известно точно²⁸. Для создания ШУЦЧЛ кроме «Сокровенного сказания» привлекались сведения сборника «Алтан дэбтер», так как СС по внешним походам монголов не имеет сведений, аналогичных ШУЦЧЛ, которое по этой части сходно со сведениями Рашид ад-Дина, пользовавшегося «Алтан дэбтер». Чаган, видимо, использовал и иные, не дошедшие до нас источники: П. Пелльо предполагал использование им тибетской хроники. Надо заметить, что сведения ШУЦЧЛ часто привлекались составителями ЮШ в цзюанях, касающихся периода деятельности Чингисхана. Поэтому китайский текст «Шэн-у цинь-чжэн лу» полезен для понимания информации, заключенной в гигантском своде разнообразных источников XIII–XIV вв. – в «Юань ши», так как позволяет сопоставлять его сведения с СС, РД и Джувейни, нередко восстанавливая обрывы и искажения в тексте.

Важнейшим собранием внутренних документов Монгольской империи и Юань, дошедшим до наших дней, является компендиум «Да Юань шэн-чжэн гочао дян-чжан», сокращенно «Юань дян-чжан (Установления династии Юань)». Он представляет собой сборник официальных документов Монгольской империи и Юань, таких как указы каанов и императоров Юань, их эдикты и рескрипты, указы и декреты высших органов управления империей, которые распределены по их ведомственной принадлежности (ЮДЧ разделен на главы, названные по этой принадлежности, например: «Высочайшие указы», «Приказ ритуалов», «Приказ чинов», «Военный приказ», «Приказ учета и сборов», «Приказ наказаний» и т. д.). Представленные в ЮДЧ документы охватывают период с 1230-х гг. по начало XIV в. (до 1322 г., если быть точным). При этом надо понимать, что даже более поздние документы XIV в. могут оказываться ценным источником для времен Чингисхана и Угэдэя: дело в том, что в них обычно приводится большая мотивировочная часть, где есть отсылки и упоминания более ранних решений каанов, их указов, цитаты из документов ведомств их времени, прецедентов прежних времен и т. д. и т. п. Сохранившиеся в составе ЮДЧ тексты подлинных указов и прочих распоряжений первых монгольских каанов являются ценнейшим внутренним источником для целей данной книги.

Отдельным и очень важным источником сведений о военной истории монголов времен Чингисхана и его первых преемников являются различного рода мемориальные тексты периода Юань, посвященные сановникам и военным деятелям, им служившим. Они сохранились как в оригинале (на каменных стелах, дошедших до наших дней), так и в списках – либо написанных прямо с эстампов, сделанных с указанных стел, либо переписанных с текстов собраний сочинений авторов таких эпитафий (обычно их авторами были крупные литераторы – известные поэты и историки эпохи, чьи собрания сочинений печатались как в их времена, так и позднее, ведь все они делались предметом библиофильского интереса и сохранялись в собраниях и библиотеках вплоть до недавнего времени и современности). Сведения, которые помещались в эти мемориальные тексты, базировались на официальных документах – ведь большинство подобных стел создавалось во исполнение указов императоров Юань, которые, соответственно, давали поручения придворным историографам собирать информацию в архивах и затем на ее основе писать указанные тексты. Механизм такой работы подробно изучен в вышеназванных работах автора настоящей книги²⁹. На базе такого богатого материала всевозможного вида эпи-

²⁷ Чулууны Далай... стр. 15.

²⁸ Есть и другая точка зрения (см. *Муикуев Н. Ц.* Китайский источник о первых монгольских ханах М.: Наука, 1965, стр. 163–165) – возможно, что ШУЦЧЛ было написано раньше, чем «Шэн-у кай-тянь цзи», примерно в 1294 г. Однако аргументы в пользу этого предположения могут считаться лишь отражением факта бытования более раннего варианта работы Чагана по описанию деяний Чингисхана и Угэдэя, т. е. собственно ШУЦЧЛ, которое было потом переработано в «Шэн-у кай-тянь цзи».

²⁹ Его можно кратко описать таким образом: юаньские историографы, служившие в историографическом департаменте Центрального имперского секретариата (*шигуань*), писали докладные записки императорам о необходимости тех или иных видов увековечивания заслуг деятелей прошлого (или в виде присвоения им посмертных рангов и титулов, или разрешения на создание мемориальных стел различных видов – это обычно делалось по прошениям их сыновей/внуков, ставших крупными чинами в Юань), для чего они собирали из архива монгольской канцелярии сведения о них (с последующим переводом на

тафий, «стел на пути духа», стел родовых кладбищ и храмов предков etc, юаньскими и позже минскими литераторами составлялись еще и так называемые *лечжуань*³⁰. Почти все это сейчас доступно к изучению в составе огромного компендиума текстов ЦЮВ.

«Таарих-и джахангуша (История Покорителя вселенной)» принадлежит перу Ала-ад-дина Ата-мелик Джувейни, высокопоставленного чиновника монгольских ханов Ирана (т. е. ильханов династии хулагуидов). Он родился в 1225 г. и с молодых лет находился на службе у монгольских правителей Хорасана, которым служил еще его отец. Он несколько раз ездил в Монголию и Центральную Азию. Джувейни с 1256 г. находился на службе у ильхана Хулагу, который назначил его в 1259 г. губернатором Багдада, Ирака и Хузистана; в этой должности он находился и при ильхане Абага до 1282 г. Умер Джувейни в 1283 г. Джувейни был младшим современником монгольских завоеваний, когда были живы еще их участники. При написании своей книги Джувейни пользовался их устными рассказами, многие события середины XIII в. были ему известны по официальным документам и личному опыту. Его сочинение начато в 1252 или 1253 г. и закончено в 1260 г. Оно состоит из трех частей: 1) истории монголов от первых походов Чингисхана до смерти Гуюк-хана; 2) истории хорезмшахов и монгольских наместников Хорасана до 1258 г.; 3) продолжения истории монголов до 1257 г. и истории исмаилитов в Иране. Многие его данные использовал в своем труде Рашид ад-Дин, однако пользоваться этим источником надо весьма осторожно – это парадное, заказное описание деятельности Хулагу – основателя династии хулагуидов, на службе которой состоял Джувейни. Его ценность для настоящей работы в том, что в тексте Джувейни использованы настоящие документы монгольской канцелярии, которые и будут привлекаться для исследования.

«Сборник летописей» Рашид ад-Дина был создан в начале XIV в. «Выдающаяся энциклопедия сведений о средневековом Востоке» – так охарактеризовал его знаменитый русский востоковед В. В. Бартольд. Несмотря на то, что «Сборник летописей» был составлен через сто с лишним лет после появления Чингисхана на политической сцене, источники Рашид ад-Дина использовали документы из первых рук, непосредственно исходившие из канцелярии первого хана. Сам Рашид ад-Дин как великий визирь был допущен к секретным документам монголов, хранившимся в сокровищнице ильханов, например к «Алтан дебтер» (*монг.* «алтан дэбтэр» значит «золотая книга») и спискам «Великой Ясы».

Как пишет сам Рашид ад-Дин в предисловии к «Памятке об эмирах туманов и тысяч и о войсках Чингиз-хана»³¹ (одной из частей «Сборника летописей»), она была написана на базе ранее собранных его сотрудниками первичных материалов, в основном росписей родов, войск и уделов, которые, как известно из «Сокровенного сказания», велись монголами в так называемых «коко-дефтер» – «синих тетрадах». Набор этих «разрозненных тетрадей», по выражению самого Рашид ад-Дина, и был «Алтан дебтер» – не дошедший до нашего времени монгольский источник, который, судя по ряду исследований, содержал как родословия «золотого рода», так и летописи царствований ханов, вместе с важнейшими и тайными документами государственного характера. К последним, безусловно, относились росписи монгольских родов и реестры их повинностей (в первую очередь военной). Примерное содержание «Алтан дебтер»

китайский язык) и писали справки (наверх – или императору, или какому-либо иному высшему органу управления Юань) об их карьерах и послужных списках (в качестве мотивировочной части для принятия решения или самим императором или Центральным имперским секретариатом etc); такие справки потом хранились в архивах как самих историографов, так и историографического департамента, а затем, при необходимости, поднимались для создания тех или иных видов новых мемориальных надписей (например, уже для следующего поколения потомков указанных лиц – ведь в Юань существовала система наследования должностей и военных чинов); в результате таких процедур сведения монгольских первоисточников первой половины XIII в. сохранялись в новых записях, которые затем оказывались доступными и другим юаньским авторам (т. е. достаточно широко тиражировались и так сохранялись). Подробнее см.: Храпачевский Р.П. Отражение монгольских первоисточников XIII века... стр. 518–520.

³⁰ Здесь – жанр старой китайской литературы, жизнеописания знаменитых людей эпохи.

³¹ Цит. по: Рашид ад-Дин. Сборник летописей, т. I, ч. 2. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1952, стр. 266.

можно представить по дошедшим до нас иным вариантам подобных компиляций – «Сокровенному сказанию» и «Шэн-у цинь-чжэн лу», а также по некоторым оригинальным монгольским документам, сохранившимся в составе «Юань ши». Важным обстоятельством представляется наличие в первой части «Сборника летописей» (так называемого «Повествования о народах») огромного количества материалов, полученных сведчиками из коллектива историков, бывших под началом Рашид ад-Дина, из родовых преданий и официальных документов с родословиями/генеалогиями большого числа представителей монгольских родов. Именно они служили главными информаторами Рашид ад-Дину и его сотрудникам по этим вопросам. По ряду позиций сведения «Сборника летописей» имеют большие совпадения с «Юань ши», часто почти дословные, одновременно сильно расходясь с версией «Сокровенного сказания». Но много совпадений и между ЮШ и СС, причем также дословных. А нам точно известно, что авторы «Юань ши» не знали «Сокровенное сказание». И наоборот – иные уникальные сведения СС, отсутствующие у Рашид ад-Дина, трудно объяснить просто опущением их последним, так как они не нарушают его концепции, а только подкрепляют. Это значит, что коллектив Рашид ад-Дина просто не имел их на руках.

Таким образом, эти два комплекса документов (т. е. «Алтан дебтер» и «Сокровенное сказание»), бывшие в сокровищницах у всех улусных ханов Монгольской империи, являются аутентичными, независимыми от других сохранившихся источников свидетельствами о законодательстве, династийных связях и практике политической деятельности Чингисхана и созданы при нем самом и его преемниках. К сожалению, «Алтан дебтер» не сохранилась в оригинале и доступна только в виде изложения другими авторами. Из них всех в самом выгодном положении оказываются только Джувейни и Рашид ад-Дин – они оба были высокопоставленными чиновниками монгольских администраций у хулагуидов. Причем Рашид ад-Дин в преимущественном положении – он был не просто визирем у ильханов, но и личным другом Газанхана, который увлекался историей своего великого предка и потому смог допустить Рашид ад-Дина к тем документам, которые были разрешены для чтения только Чингисидам. Немаловажно и то, что Джувейни был в общем обычным для той эпохи автором – т. е. не беспристрастным историком, но скорее придворным историографом. Рашид ад-Дин же – явление уникальное, как заметил выдающийся советский востоковед И. П. Петрушевский: «“Джами ат-таварих” занимает совершенно исключительное положение среди средневековых персоязычных источников. Рашид ад-Дин... преодолел традиционную узость их мысли»³². Исследователи творчества Рашид ад-Дина отмечают, что в тех местах, где нет необходимости защищать свою политическую линию, он оказывается точным в передаче своих источников³³.

Еще одним крайне ценным источником для огромного свода Рашид ад-Дина были сведения Болод-чэнсяна (в персидской огласовке – Пулад-чинсан, как это в тексте у РД). Дело в том, что у Рашид ад-Дина была проблема с пониманием оригинальных документов на монгольском языке – сам он его, видимо, не знал, но мог воспользоваться изложением их содержания Болод-чэнсяном. Болод-чэнсян был монголом из племени дорбен и ранее служил в Китае императору Юань Хубилаю (в качестве *чэнсяна*, т. е. первого министра), пока в 1286 г. не переехал в Иран. Ахмед Заки Валиди Тоган, специально исследовавший все рукописи «Джами ат-таварих» (как персидские, так и арабские), пришел к выводу, что первоначально существовало монгольское историческое сочинение, которое Рашид ад-Дин с сотрудниками перевели на персидский язык, отредактировали и дополнили, так что оно стало одним из главных источников для первого

³² Цит. по: Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // *Рашид ад-Дин. Сборник летописей*, т. I, ч. 1, стр. 23.

³³ Там же, стр. 35–36.

тома «Джами ат-таварих». Автором этого монгольского сочинения А. З. Валиди Тоган считает Болод-чэнсяна и его монгольских помощников³⁴.

Таким образом, «Сборник летописей» представляет собой огромный свод данных, отражающих содержание разнообразных и разновременных монгольских первоисточников, в которых сохранились и такие сведения, которые были искажены или отредактированы (а то и вовсе отброшены), как не соответствующие авторской тенденции, авторами СС и ШУЦЧЛ. Например, Рашид ад-Дин специально посвятил целый том своего «Сборника летописей» историям всех родов/обоков и племенных объединений, вошедших в состав державы Чингисхана (см. так называемое «Повествование о народах»), некоторые из которых или очень кратко упомянуты в СС и ШУЦЧЛ, или вообще там отсутствуют. Сведения о родовом составе монгольских племен в этом томе не только опираются на первоисточники из канцелярии первых монгольских каанов (таких, как росписи монгольских родов в «Алтан дебтер»), но и – что особенно важно – содержат информацию из родословных и исторических преданий, сохранявшихся у представителей этих родов, проживавших в ильханском Иране. Именно этим можно объяснить встречающиеся в «Повествовании о народах» расхождения³⁵ с содержанием так называемого «Рассказа о Чингисхане» (он входит в состав следующего тома «Сборника летописей»), где отражена, так сказать, «официальная линия» победившего в борьбе за гегемонию в степи «золотого рода» Чингисхана³⁶. Поэтому сведения, представляющие взгляд на события конца XII – начала XIII в. со стороны монгольских родов, иных, чем «золотой род»³⁷, очень важны и часто более информативны касательно внутренней логики борьбы за верховенство в степи, в которой победили Чингисхан и его сподвижники. Подобные нестыковки, неоднократно встречающиеся в тексте всего свода РД, объясняются аналогично – они включены в него из разных источников, а редакторы (сам Рашид ад-Дин в первую очередь) или пропустили эти разночтения, или посчитали нужным привести разные версии событий. Именно такие случаи представляют огромную ценность для исследователей, поскольку позволяют проводить критический анализ РД с помощью текстологических процедур³⁸.

Итак, «Алтан дебтер», т. е. свод монгольских текстов по истории Чингисидов, хранившийся в сокровищнице ильханов Ирана, во многом известен нам благодаря Рашид ад-Дину – ведь он постоянно и на протяжении всего «Сборника летописей» или цитирует, или подробно пересказывает из него отрывки. Разнородность свода, состоявшего, по словам Рашид ад-Дина, из «разрозненных тетрадей», сказалась на разбросанности сведений по различным частям «Сборника летописей», откуда их надо извлекать путем тщательного текстологического анализа. Аналогичный свод имелся и у ханов Центрального улуса Монгольской империи, т. е. у императоров династии Юань. Поэтому в ряде китайских текстов представлена информация из аналогичных монгольских источников, часто совпадающая (иногда чуть ли не дословно) с текстами в составе «Тарих-и джахангуша» Джувейни и «Джами ат-таварих» (Рашид ад-Дина), что и неудивительно – все они воспроизводят первоисточники времен Чингисхана и его пер-

³⁴ Togan A.Z.V. The Composition of the History of the Mongols by Rashid Ad-Din // Central Asiatic Journal. Vol. 7. № 1. 1962. P. 63–71.

³⁵ Или наоборот – более детальные описания событий.

³⁶ Этот «Рассказ...», полностью или частично, входит в состав СС, РД, ШУЦЧЛ и ЮШ.

³⁷ Например, у потомков братьев Чингисхана, ведь версии их родовых преданий, известные по монгольским летописям XVII–XVIII вв., значительно расходятся с версией вышеназванного «Рассказа о Чингисхане» у РД или Джувейни.

³⁸ См. критическое исследование сообщения РД о так называемых «4000 человек» улуса Джучи: Храпачевский Р. П. К вопросу о первоначальной численности монголов в Улусе Джучи // Труды Международных нумизматических конференций «Монеты и денежное обращение в монгольских государствах XIII–XV веков». IV МНК Болгар 2005 – V МНК 2006. М.: Институт востоковедения РАН, Нумизматическая литература, 2008. Найденное внутри текста РД противоречие между текстами в различных разделах «Сборника летописей» помогло реконструировать первоначальный текст первоисточника (путем текстологического анализа разночтений в этих фрагментах) и определить, что численность монголов в уделе Джучи была не менее 65–70 тыс. человек, а не пресловутые «4000 монголов».

вых преемников. Все это делает «Сборник летописей» источником, мало уступающим по значимости и достоверности СС – разумеется, при условии должного критического и текстологического анализа его сведений.

«Юань ши» (далее – ЮШ) – это китайская официальная хроника, которая была составлена в 1369–1370 гг. по приказу Чжу Юань-чжана, первого императора новой династии Мин, в соответствии с древней китайской традицией, по которой пришедшая к власти в Китае новая династия пишет официальную историю предыдущей. «Юань ши» содержит изложение событий царствований императоров предыдущей династии (т. е. Юань) в хронологическом порядке (это ее первый и главный раздел «Бэньцзи» – «Основные записи», т. е. собственно анналы правлений монгольских каанов и императоров Юань); хронологические и генеалогические таблицы (раздел «Бяо» – «Таблицы»); описания обрядов и обычаев, состояние администрации, военного дела, экономики и торговли, географии, календаря, наук и искусств в период от Чингисхана и до последнего императора Юань (это было содержанием раздела «Чжи» – «Трактаты» или описания разных областей жизни и администрации государства); биографии всех выдающихся деятелей и описания вассальных государств (раздел «Лечжуань» – «Жизнеописания знаменитых», или просто «Жизнеописания», в него по традиции также включали описания таких вассальных государств, как Корея, Дайвьет и вообще всех стран и народов, которые имели те или иные отношения с данной династией).

Редакторская работа составителей ЮШ была сведена к минимуму – в тексте сохранено очень много оригинальных документов. ЮШ составлялась компилированием цитат из официальных сводов законов и распоряжений властей³⁹ (на их основе составлялись разделы «Таблиц» и «Трактатов», а также частично и анналы правлений); *шиллу*, т. е. поденных записей придворных историографов (на основе *шиллу* составлялись «Основные записи», т. е. анналы царствований); и текстов из сборников так называемых «образцовых сочинений», в которые включались тексты всех видов мемориальных надписей и *лечжуань* знаменитых деятелей эпохи, а также прочих доступных авторам ЮШ документов. Сводчики пользовались работами Су Тянь-цзюэ (1272–1352 гг.) «Гочао вэньлэй» («Образцовые сочинения, созданные при правящей династии») и «Гочао мин-чэнь шилуэ» («Краткие сведения о знаменитых чиновниках правящей династии»)⁴⁰, сборником «Хоу-фэй гун-чэнь лечжуань» («Жизнеописания императриц, жен императора и заслуженных сановников») и многими другими собраниями сочинений юаньских авторов. Источниками сведений для таких сочинений служили, как правило, официальные послужные списки (об их происхождении из канцелярии монгольских каанов см. выше) и семейные архивы, которые обрабатывались профессиональными литераторами, авторами мемориальных надписей и *лечжуань*, которые им заказывались или родственниками, или официальными органами. Составители таких сочинений⁴¹, как правило, пользовались первоисточниками, относящимися к XIII в., сохранившимися как в семьях заказчиков, так и в архивах, современных им. В целом можно заключить, что первоосновой для текстов династийной

³⁹ Кроме «Юань дэнь-чжан» это были такие сборники официальных документов Монгольской империи и Юань – такие, как «Да Юань тун-чжи (Всеобщие законы Великой Юань)», до наших дней дошла его часть под названием «Тун-чжи тяогэ (Кодифицированные положения Всеобщих законов)», а также громадная компиляция «Цзин-ши дадянь (Всеобщее собрание законов, управляющих миром)» (была окончена весной 1331 г., состояла из 894 цзюаней, до нашего времени дошли некоторые ее части, а также предисловия к каждому из ее разделов). В «Тун-чжи тяогэ» много пересечений с ЮДЧ, а кроме того, ее основной состав документов – это экскерпты и абстракты из развернутых текстов документов из состава «Цзин-ши дадянь», которые, к сожалению, не сохранились. В этом главная ценность «Тун-чжи тяогэ» для исследователей. «Цзин-ши дадянь» же широко использовалось авторами ЮШ, которые часто просто копировали тексты оттуда с минимальным их редактированием.

⁴⁰ Первое сочинение Су Тянь-цзюэ датируется 1334 г., в нем 70 цзюаней, содержащих различные литературные документы эпохи Юань – стихи, доклады, предисловия (в частности, к «Цзин-ши дадянь»), различная эпиграфика, в частности тексты надгробных стел и т. д. Второе – состояло из 15 цзюаней с 47 биографиями знаменитых чиновников Юань. Оба сочинения дошли до наших дней.

⁴¹ Таких, как, например, огромное, из 165 цзюаней, собрание сочинений Ван Юня (1227–1304 гг.), знаменитого поэта и историка той эпохи, или сборник Тао Цзун-и «Шо-фу» (напечатан около 1366 г., сохранился до наших дней).

истории ЮШ с сообщениями о событиях военной истории и жизнеописаний полководцев времен Чингисхана, Угэдэя и Мэнгу-каана «являются аутентичные документы монгольской канцелярии середины XIII в., которые были переведены на китайский язык и обработаны юаньскими историографами 3-й четверти – конца XIII в.»⁴².

Текст ЮШ составлялся большим коллективом авторов, редакторов и сводчиков под общим руководством Сун Лянь и Ван И⁴³. Работа была начата в марте 1369 г., и уже через полгода текст этой династийной истории в составе 159 цзюаней был представлен императору Чжу Юань-чжану канцлером империи Мин и по совместительству куратором коллектива Сун Ляня – Ли Шань-чаном. Однако работа была признана недостаточной и неполной, поэтому составление было продолжено – были дописаны новые цзюани почти по всем разделам, скомпилированы со старыми и проведено редактирование. В окончательную редакцию ЮШ вошло 210 цзюаней, а ее текст был напечатан 1 ноября 1370 г. Несколько экземпляров этого издания «Юань ши», а также его более поздних минских перепечаток (сделанных с тех же печатных досок первого издания), дошли до нашего времени.

Упор на документы привел к еще одной особенности – сведения в разделе жизнеописаний знаменитых личностей более информативны (с необходимой поправкой на штампы китайского жанра эпитафий «добродетельным чиновникам»), чем в «Основных записях», где сообщения довольно лаконичны. Секретные документы из государственных архивов Юань в основном были недоступны создателям «Юань ши», пользовавшимся официально опубликованной информацией из сводов законов, зато частные архивы и документы были открыты для них. Поэтому составители ЮШ и пошли на необычный для китайской традиции составления династийных хроник шаг – внесли в «Основные записи» выжимки сведений из материалов к жизнеописаниям знаменитостей, живших в период, который рассматривался в соответствующей цзюани основной части хроники. Ввиду этого анналы правлений Чингисхана, Угэдэя, Гуюка и Мэнгу-каана в разделе «Бэньцзи» в составе «Юань ши» также содержат сведения, восходящие к первоисточникам XIII в.

На значение ЮШ для истории монголов рано обратили внимание отечественные исследователи: в 1829 г. первый перевод на русский язык (и вообще – впервые на европейский язык) фрагментов ее первых трех цзюаней сделал и издал под названием «История первых четырех ханов из Дома Чингисова» выдающийся русский китаевед о. Иакинф (Н. Я. Бичурин). Для того времени это было колоссальное достижение, намного опередившее европейскую синологию. Однако сейчас ряд недостатков этого издания (помимо его крайней библиографической редкости) уже не может быть терпим. Дело в том, что бичуринский перевод ЮШ был не столько переводом, сколько совмещением пересказов отрывков ЮШ с переводами частей позднейшей цинской хроники «Тунцзянь ганму». Кроме того, в переводе о. Иакинфа некритически использовались не китайские слова и названия, которые сильно исказила цинская комиссия по «исправлению имен в Ляо ши, Цзинь ши, Юань ши», издавшая при императоре Цяньлуне (1736–1795 гг.) обязательный перечень «Цинь-дин Юань ши юй-цзе (Высочайше утвержден-

⁴² Цит. по: Храпачевский Р. П. Юаньские источники XIII века... стр. 218.

⁴³ Сун Лянь (1310–1381 гг.) и его заместитель Ван И (1322–1373 гг.) возглавляли работу минской историографической комиссии, которой было поручено императорским указом написать династийную историю Юань в начале 1369 г. В ее первоначальном составе, кроме Сун Ляня и Ван И, было еще 16 человек – это были как собственно авторы (каждый из них писал свою часть текстов для разных разделов ЮШ), так и редакторы-составители (компиляторы) уже написанных частей. Высший надзор над их работой в качестве цензора-редактора осуществлял канцлер Ли Шань-чан. Когда первоначальный вариант был признан недостаточным и неполным, то работа над ЮШ была продолжена и к ней было дополнительно привлечено еще 15 человек. В новом, расширенном составе комиссия Сун Ляня собралась 3 марта 1370 г. В результате ее работы в течение четырех с половиной месяцев были дописаны новые цзюани и завершена вся остальная работа над данной династийной историей. Имена всех этих сотрудников нам известны по докладу Ли Шань-чана императору. К сожалению, нам неизвестно, какие именно части ЮШ кем из них писались и редактировались.

ные объяснения слов в Юань-ши)»⁴⁴, в соответствии с которым были внесены изменения в текст ЮШ его цинских изданий. Вся номенклатура собственных имен в переводе Бичурина должна быть подвергнута сплошному пересмотру и исправлению. Более того, цинский печатный экземпляр ЮШ, которым пользовался о. Иакинф, был весьма неисправен – не раз в тексте перевода сообщается, что данное место не удалось прочесть. В бичуринском переводе пропущены не только некоторые слова и фразы, но и целые абзацы. В начале XX в. А. И. Иванов сделал переводы части фрагментов ЮШ, в которых были упоминания о походах монголов на Русь и сведения об аланах⁴⁵. Эти переводы в определенной мере дополнили работы о. Иакинфа. Но на тот момент не существовало ни критических работ по Рашид ад-Дину, ни исследований по языку монгольско-китайской канцелярии при Юань, что не могло не сказаться на восприятии специфического текста ЮШ, широко использовавшего некие китайские имена, названия местностей, должностей и бытовых реалий неких китайских народов. Для точного понимания ЮШ к настоящему времени есть все возможности, накопленные за последние десятилетия исследователями истории Монгольской империи.

Достоверность данных ЮШ для настоящей работы по ряду аспектов не уступает значимости СС или РД. Из гигантского свода сведений ЮШ можно извлечь тексты, восходящие к первоисточникам начала – середины XIII в. (в основном это касается раздела «Лечжуань»). Во многом такая работа сходна с извлечением ценнейших сведений по русской истории X–XI вв. в сводах XIV–XVI вв. Именно этим объясняется большое количество привлеченных данных из состава различных разделов ЮШ в последующих главах данной книги.

2.2. Внешние источники

Главными внешними источниками до сих пор являлись сочинения европейцев Плано Карпини, Бенедикта Поляка и Гильома Рубрука⁴⁶. Степень их использования исследователями традиционно высока. Здесь они также привлекаются, но основной упор будет сделан на наблюдения более ранних китайских посланников и разведчиков к монголам Чингисхана. Основными такими китайскими «внешними» источниками среди множества описаний путешествий к монголам в первой половине XIII в. являются «Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар)» (далее – МЛ) авторства Чжао Хуна и «Хэй-да ши-люэ (Краткие известия о черных татарах)» (далее – ХП) авторства Пэн Да-я и Сюй Тина.

«Мэн-да бэй-лу» – единственный крупный китайский источник, прижизненный Чингисхану. В 1220 г. командующий пограничными войсками Сун направил к монголам посла – чиновника Чжао Хуна, специализировавшегося на переговорах с приграничными «варварскими» народностями⁴⁷. Он отправился к наместнику Чингисхана в Северном Китае Мухали и встретился с ним в 1221 г. в Яньцзине (совр. Пекин). Чжао Хуну пришлось почти год прожить среди монголов на захваченной ими территории Цзинь, ранее бывшей под властью чжурчженей. Он собрал сведения огромной важности по всем сторонам их жизни, которые и внес в МЛ. Это чрезвычайно ценный по информативности и достоверности текст, главным недостатком которого является относительная краткость в описании военного дела монголов. Его перевод на русский язык и критическое исследование осуществил Н. Ц. Мункуев⁴⁸.

⁴⁴ Эта комиссия путем произвольного толкования искажила до неузнаваемости большинство собственных имен, терминов и понятий, происходивших из монгольского, тюркского и иных языков, а также топонимы вне собственно Китая.

⁴⁵ Аланы (асы) – предки осетин.

⁴⁶ Подробные характеристики данных источников излагались неоднократно во многих доступных изданиях, поэтому считаю нецелесообразным подробно останавливаться на них в настоящем очерке.

⁴⁷ По некоторым данным, Чжао Хун не был ханьцем, а происходил из «инородцев». Очевидно, это помогало ему в миссиях к приграничным племенам.

⁴⁸ Мэн-да бэй-лу (Полное описание монголо-татар. М.: Наука, 1975.)

«Хэй-да ши-люэ» – сочинение, составленное из записок южносунских чиновников Пэн Да-я (побывавшего у монголов в составе посольства в 1233 г.)⁴⁹ и Сюй Тина (участника дипломатической миссии 1235–1236 гг.). Оно возникло в контексте плотного взаимодействия империи Сун с государством Чингисхана – вначале союзнического (против общего врага – чжурчжэньского государства Цзинь), а потом в условиях нараставшего напряжения, закончившегося первыми столкновениями между монголами и сунцами (в 1236–1238 гг.). Поэтому так важны были сведения миссий для властей Сун, в которых участвовали Пэн Да-я и Сюй Тин – в 1233 г. сунцы и монголы, пока еще союзники, договаривались о согласовании действий в предстоящей кампании против Цзинь (в феврале 1234 г. сунцы совместно с монголами взяли последний оплот чжурчжэней – их столицу Цайчжоу и покончили с империей Цзинь), а в 1236 г. сунским властям надо было срочно решать проблемы, возникшие у них с монголами по поводу раздела цзиньского наследства. В обоих этих случаях сунцы нуждались в конкретной и точной информации о состоянии дел в Монгольской империи. Значительная часть этих сведений и вошла в ХШ. Большая часть текста представлена цитатами из записок Пэн Да-я, дополненных поабзацно комментариями и дополнениями Сюй Тина из собственных записок. Эту работу описал сам Сюй Тин в послесловии к ХШ: «[Когда я, Сюй] Тин, первый раз возвратился из степи, то занялся сочинением, где изложил их [татар] местные нравы, привычки и обычаи. После того как только [я] прибыл на [остров] Очжу, то случайно встретился с чиновником по составлению документов прежней миссии Пэн Да-я. Каждый из нас показал то, что сочинил, чтобы взаимно сопоставить и проверить. И при этом не оказалось больших расхождений. Поэтому [я] использовал то, что сочинил Пэн [Да-я], как твердую основу. Но если во фрагменте [текста Пэн Да-я] не сходилось [с моими данными], то [я, Сюй] Тин добавлял комментарий внизу текста. Однако там [я] ограничивался изложением основных деталей»⁵⁰.

Сюй Тин практически к каждому сообщению Пэн Да-я добавлял свой абзац, где он дополнял, разъяснял или уточнял, если его собственные наблюдения расходились с комментируемым местом. В редких случаях его текст представлял собственную тему и наблюдение. В итоге получилось интереснейшее сочинение, в котором отражены независимые сведения первоисточников (наблюдения очевидцев и передача ими сведений от монгольских информаторов). С другой стороны, эти сведения взаимно перепроверены и составляют гармоничное единство. Авторы ХШ непосредственно наблюдали и тщательно фиксировали реалии государственного устройства в самой Монголии. Можно сказать, что текст ХШ – это сокращенное изложение подробных официальных отчетов посольств – «дневников», о чем Сюй Тин писал в послесловии: «[Я] ограничивался изложением основных деталей. Что касается подробностей, то смотрите их в “Дневнике похода на север”»⁵¹. Миссии, в которых участвовали Пэн Да-я и Сюй Тин, проходили в период активного взаимодействия Сун с монголами, когда ее власти были максимально заинтересованы в точной информации по военно-политической обстановке в Монгольской империи. Именно поэтому в ХШ значительно больше такой информации, чем в МЛ. Кроме того, целый ряд сообщений Пэн Да-я и Сюй Тина, не имеющих аналогов у европейских путешественников, независимо подтверждаются армянскими и сирийскими авторами того же времени⁵².

⁴⁹ Он был «чиновником по составлению официальных бумаг» при китайской миссии, т. е. делопроизводителем этой миссии. Это было его официальное положение, но, вероятно, в его функции входили и другие, неофициальные задания и распоряжения правительства Сун.

⁵⁰ Цит. по: Хэй-да ши-люэ // Хайнин Ван Цзин-ань сяньшэн ишу (Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина), т. 37. Чанша: Шанъу иньшугуань, 1940 (кит.), стр. 296–30а.

⁵¹ Хэй-да... стр. 30а. «Дневник похода на север», равно как и другие официальные дневники южносунских миссий к монголам в 1230-х гг., к сожалению, до нас не дошел.

⁵² В сочинениях армянских авторов Григора Акнерци, Киракоса Гандзакеци, Смбата-спарапета и сирийца Бар Эбрея (Григория Абульфараджа), непосредственно общавшихся с монголами на самой западной границе их продвижения в 30–60-х гг. XIII в., зафиксирован целый ряд примет быта и привычек монголов, настолько удивительных для европейцев, что те,

Ввиду такой исключительной достоверности этого источника и наличия в нем более широкой номенклатуры сведений по военному делу монголов в дальнейшем изложении этой темы основной упор в настоящей книге будет делаться на данные именно ХШ. Дополнительную верификацию сведениям ХШ о военном деле монголов дает известная нам история жизни основного автора ХШ – Пэн Да-я⁵³. Дело в том, что, по сведениям «Сун-цзи сань-чао чжэн-яо»⁵⁴, которое очень хвалит Пэн Да-я за его заслуги в защите Чунцина (крупнейшего города провинции Сычуань) и всей Сычуани, Пэн Да-я «оборонял Чунцин в то время, когда остальная часть Шу⁵⁵ уже была разорена. [Пэн] Да-я, прорываясь сквозь терновник и колючки⁵⁶ и невзирая на стрелы и камни [со стороны монголов], закончил огораживание стеной Чунцина для отражения врагов. [Он] был полезен как широкие ворота, закрывающие теснину, и был коренной опорой для Шу. По этой причине 20 лет сопротивления [монголам] – это заслуга [Пэн] Да-я»⁵⁷. Такая успешная деятельность «секретаря» посольства к монголам, которого мы уже вскоре видим военным комендантом Чунцина и заместителем командующего обороной провинции (*чжичжи-фуши*)⁵⁸, не может быть случайностью – он на практике применил познания монгольского военного искусства. И надо сказать, весьма удачно – в течение почти 20 лет с успехом отражал атаки монголов на Чунцин, что доказывает основательность его суждений о монгольской армии и разведке на страницах ХШ.

На русском языке до недавнего времени существовал перевод только первой половины памятника⁵⁹, в которой вопросы организации военного дела монголов не затрагиваются. Далее используется полный перевод источника и его исследование, сделанные автором настоящей работы⁶⁰.

МЛ и ХШ дают нам ценную информацию по следующим аспектам военного дела в армии монголов при Чингисхане и Угэдэе: организационная структура, численность и дислокация монгольских войск; вооружение, амуниция и конная сбруя; тактические приемы действий в конном строю, в пешем порядке и во время взятия укреплений; управление войсками; осадные приемы; разведка, стратегия и планирование; организация караульно-сигнальной службы и связи; система коневодства; материальное обеспечение и устройство военных лагерей. Особо ценными и уникальными являются сведения ХШ по тактическим приемам монголов – ни в одном другом источнике нет таких развернутых описаний способов ведения войны монголами. Археология и просто описания вооружений (защитных или поражающих) монголов не могут дать такой информации в принципе, так что именно сведения очевидцев, оставивших описания образа действий монголов на поле боя, должны быть основой для исследователей.

видимо, не рискнули их описывать (в отличие от армянских и сирийских авторов). Зато на другом краю Монгольской империи – на ее крайнем востоке – их отметили Пэн Да-я и Сюй Тин. Например, про деревянные стремяна у монголов кроме ХШ пишет еще Бар Эбрей.

⁵³ Именно его кисти принадлежит основная часть сведений ХШ о военном деле, разведке и планах монголов. Вклад Сюй Тина несколько скромнее – он в основном комментировал указанные сообщения Пэн Да-я, хотя и не без ценных к ним дополнений и уточнений.

⁵⁴ «Важнейшее по части управления при трех царствованиях в конце династии Сун», южносунский источник второй половины XIII в.

⁵⁵ Шу – древнее название Сычуани.

⁵⁶ Перефразированный китайский *чэнъюй* (вид пословицы/идиомы), означающий «упорное преодоление препятствий в своем деле».

⁵⁷ Цит. по: Ван Го-вэй. Хэй-да шилуэ цзяньчжэн (Исследование и комментарий к «Кратким известиям о черных татарах») // Посмертное собрание сочинений господина Ван Цзин-аня из Хайнина, т. 37. Чанша: Шаньу иньшугуань, 1940 (кит.), стр. 32а–32б.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Пэн Да-я, Сюй Тин. Краткие сведения о черных татарах, публикация Линь Кюн и Н. Ц. Мункуева // Проблемы востоковедения, 1960, № 5.

⁶⁰ Он опубликован вместе с текстологическим комментарием и примечаниями в: Золотая Орда в источниках, т. 3. Китайские и монгольские источники. М., 2009. Далее – ЗОИ, т. 3.

* * *

Рассмотренные китайские источники первой половины XIII в. оставили нам уникальную информацию по военному делу монголов. Она тем более важна, что подтверждает не менее подробные персидские и китайские источники («Сборник летописей» Рашид ад-Дина и «Юань ши» в первую очередь), созданные позднее, но извлечшие из недр монгольской канцелярии подлинные документы раннего периода. Такие исторические сочинения, как «Джами ат-таварих» («Сборник летописей») и «Юань ши», хотя и написаны на 100 лет позже, чем «Хэйда шилуэ», но при этом базируются на документах, современных временам Пэн Да-я и Сюй Тина и созданных внутри монгольской канцелярии. Использование сведений названных и других внешних источников (в первую очередь китайских) по каждому из направлений изучения военного дела монголов и будет основным содержанием настоящей работы. А сведения из внутренних монгольских источников (СС, ЮДЧ, РД, ШУЦЧЛ, ЮШ) будут их дополнять и корректировать. Что же касается других некитайских и немонгольских источников, таких как записки Плано Карпини или Рубрука, то они будут использованы как иллюстративный материал, тем более что их данные давно вошли в обширную литературу по теме. Более глубокое сопоставление всех используемых нами источников с новыми данными и результатами археологии, эпиграфики, этнографии способно дать дополнительную информацию о военной истории Монгольской империи. Но это уже выходит за намеченные рамки настоящей работы.

Глава I. Основные характеристики армии монголов первой половины XIII в.

Варвары корыстны и стремятся к выгоде, ходят с неухоженными волосами и запахивают полу одежды на левую сторону, и имеют лицо человека и сердце дикого зверя.

Бань Гу, китайский историк, I в. н. э.

Рассматриваемые в настоящей работе внешние источники (т. е. в первую очередь ХШ и МЛ) дают больше всего информации о составе, организационной структуре и тактике монгольской армии. Однако эти сведения в них не систематизированы и разбросаны по всему тексту. Картина будет вырисовываться отчетливее, если сведем воедино эти сведения, добавим информацию внутренних монгольских источников (таких, как СС, РД, ЮДЧ, ЮШ, и другие) и систематизируем их так, чтобы наглядно была видна структура военной организации монголов и их тактические приемы. Ниже сгруппируем их по основным параметрам, характеризующим структуру и образ действия армии Монгольской империи.

1. Организационная структура монгольской армии

1.1. Структура монгольской армии и ее подразделения

Необходимо подчеркнуть, что здесь рассматривается организационная структура монгольской армии как единого целого – в том состоянии, когда армия собиралась целиком и подчинялась единому командованию каана – великого хана. Но кроме, так сказать, «регулярных» тысяч/туменов в ней были еще и гвардия – *кешиг*, безраздельно принадлежавшая каану и имевшая особый статус; и «войска баатуров»⁶¹, бывших скорее личной гвардией возглавлявших эти специальные подразделения особо отличившихся воинов-баатуров. Были и другие личные войска монгольских аристократов – т. н. «войска *таммачи*», принадлежавшие на правах удела членам «золотого рода» и их свойственникам (*гургенам*, племянникам и даже женам), а также принадлежавшие нойонам, которые имели статус тарханов. На середину XIII в. еще не существовало их отличия от остальных монгольских войск в плане командной иерархии и системы призыва. Просто высшим командующим был их наследственный владлец⁶², а не назначенный кааном тысячник или темник. Но и командир таких «войск *таммачи*» во время войны или объявленного сбора всей армии мало отличался от тысячников и темников «регулярных» монгольских войск – на это время он был в полной власти каана как верховного главнокомандующего, и его личные войска действовали по тем же нормам, что и остальные. Только по мере нарастания феодальных смут их роль и значение трансформировались, а сами владельцы уделов и тарханы вместе со своими личными войсками стали обособляться от общеимперских. Но рассмотрение этих процессов уже выходит за временные рамки данной книги.

1.1.1. Основа монгольской армии и ее иерархия

Приведем основные цитаты из ХШ и МЛ касательно основных характеристик армии монголов:

ХШ: «Их [черных татар] войско – это те из простого народа, кому 15 лет и больше. В [войске] имеются [только] конные воины и нет пеших солдат»⁶³.

МЛ: «[У них] нет пеших солдат, а все – конные воины»⁶⁴.

ХШ: «Их [черных татар] организация простого народа: начальник над десятью людьми называется «десятником», от десятка до сотни, от сотни до тысячи, от тысячи до десятка тысяч – каждый имеет своего начальника»⁶⁵.

В МЛ упоминаются те же ранги в армии монголов – «от командующего до тысячника, сотника и десятника»⁶⁶.

⁶¹ *Старомонг.* «баатур», в *совр.* халха-монгольском *баатр*, т. е. «сильный воин, богатырь». Также звание-титул в державе Чингисхана и позже, в Монгольской империи. Далее по тексту он приводится в той форме, которую фиксируют документы на китайском языке, синхронные событиям середины XIII в.

⁶² Ими были: 1. Тарханы (лица, имевшие различные виды феодального иммунитета – полученные в качестве пожалования от каана, вплоть до права на свой удел). 2. Владельцы наследственных уделов по праву главы (вождя) монгольского племени или *обока* (точнее те из них, которые и при Чингисхане сохранили свое положение, будучи его сторонниками со времен начала его восхождения к власти, они же были и первыми тарханами). 3. Члены «золотого рода», их свойственники и прочие родственники, получившие уделы от каана в качестве особого пожалования.

⁶³ *Хэй-да...* стр. 18а, текст Пэн Да-я.

⁶⁴ *Мэн-да...* стр. 67.

⁶⁵ *Хэй-да...* стр. 15а, текст Пэн Да-я.

⁶⁶ *Мэн-да...* стр. 67.

Итак, наблюдавшие лично войска монголов китайские разведчики характеризуют его как конное войско, причем именно как классическое всеобщее ополчение кочевого народа, т. е. так называемое «народ-войско». Как правильно отметил исследователь военной системы династии Юань профессор Сяо Ци-цин: «В то время как “всякий крестьянин – воин” было для Китая идеалом совершенно недостижимым, “всякий кочевник – воин” или “всякий охотник – воин” было частой реальностью среди северных соседей Китая»⁶⁷. Следует подчеркнуть, что это не кавалерия в европейском понимании – монгольские воины в случае необходимости могли сражаться и пешими (о чем будет подробнее рассказано ниже).

Система иерархии командования, она же командная вертикаль – десятник-сотник-тысячник была изначальной, а темники⁶⁸ вместе с подчиненными им туменами появились на ее вершине позднее.

«Сокровенное сказание» на вторую половину 1200-х гг. констатирует существование монгольской армии в виде подразделений, подчиненных 95 тысячникам. И только после Великого курултая 1206 г. Чингисхан формирует тумены и назначает первых темников. К 1234 г. эта иерархическая командная система получает юридическое оформление в виде ряда положений военных законов в редакции «Великой Ясы», принятой на Великом курултае в июне 1234 г.

В них же зафиксированы и дисциплинарные меры, поддерживающие вертикаль через круговую поруку без исключения – от рядового воина до его командиров. Эти положения сохранились в составе «Юань ши»: «В войске всякому десятку ставится десятник⁶⁹, все слушаются его команд, тот, кто действует самовольно, будет признан виновным в [воинском] преступлении... [Будь то] сотник ли, десятник ли, если в любом его подразделении совершено преступление, то он будет виновным в преступлении наравне с ним [подразделением]»⁷⁰.

В окончательном виде эта командная вертикаль для периода единства Монгольской империи сформулирована в ЮШ: «В начале государства⁷¹ чиновник, служивший по военному ведомству, в зависимости от количества войск [под его командованием] – малого или большого, получал [соответствующие] ранг и жалованье – от низших до высших [размеров]. Тот, кто начальствовал над 10 тысячами человек, – становился темником; тот, кто начальствовал над 1000 человек, – становился тысячником; тот, кто начальствовал над 100 человек, – становился сотником»⁷².

1.1.2. Структурные подразделения монгольской армии

Из приведенных сообщений ясна организация монгольской армии в виде построенной по десятичной системе (известной у кочевников Центральной Азии еще со времен сюнну) конной армии – в нее зачислялись все мужчины кочевого народа поголовно (от 15 лет и старше), которые разбивались на десятки-сотни-тысячи. Китайцы были давно и хорошо знакомы с ней, видимо, поэтому Чжао Хун, Пэн Да-я и Сюй Тин подробно не останавливаются на ее описании, упоминая только общую иерархию подразделений, их начальников и роль военной дисциплины

⁶⁷ Цит. по: Hsiao Ch'î-ch'ing. The Military Establishment of the Yuan Dynasty. L.: Harvard University Press, 1978, p. 7.

⁶⁸ Темник – командир тумена, т. е. подразделения номинально в составе 10 тыс. воинов (по исходному значению этого тюрко-монгольского термина). В китайских источниках он назывался *ваньху* (букв. «10 тыс. дворов»).

⁶⁹ Здесь и далее в тексте цитаты «Великой Ясы» в ЮШ используется китайский термин *цзячжан*, который имел в старом Китае вполне определенный смысл – глава десятки («цзя»), единицы круговой поруки в 10 человек. Использование этого знака китайскими переводчиками монгольских указов не случайно – как ниже сообщается, и сотники, идесятники по «Великой Ясе» отвечали за нарушения солидарно со своими подразделениями. В других же местах ЮШ десятник обычно называется *пайцзытоу*.

⁷⁰ Юань ши... стр. 33. Отметим, что там же приведены нормы наказаний и для тысячников, нарушающих воинские порядки.

⁷¹ Так в ЮШ назывался период правления Чингисхана.

⁷² Юань ши... стр. 2507.

у монголов. Еще Пэн Да-я особо выделяет подразделения, не вписывающиеся в эту известную военную систему «северных варваров». А именно – так называемые «войска батуров» и полусотни, на которые были разбиты сотни – основные тактические единицы кочевников.

Так, XIII упоминает среди обычных подразделений монголов и особые полусотни: «50 всадников называются *дю*... что означает “один отряд”... Воинственные вожаки и [их] крепкие слуги собираются в войска, которые находятся в особом подчинении у старших военачальников. Их называют войсками батуров»⁷³. Отряд в 50 всадников был обычной тактической единицей в чжурчжэньской кавалерии. Возможно, что Пэн Да-я в 1233 г. наблюдал заимствование у чжурчжэней такого разбиения на полусотни⁷⁴ и зарождение в середине 1230-х гг. такого разбиения исходных сотен и тысяч на несколько подразделений низшего ранга (полусотен в сотне и соединений по 2–3 или 4–5 сотен в тысяче), которые характерны для более позднего, юаньского периода, т. е. для 1270–1280-х гг. Именно этими годами датируются в «Юань ши» изменения в военной организации государства Юань в ходе реформ внука Чингисхана Хубилая.

Что же касается «войск батуров», то они упоминаются еще раз в XIII: «Не [присужденных к] смерти наказывают ссылкой на тяжелые работы в войске батуров (то же, что по-китайски «бесстрашные воины») и прощают их только после трех-четырех случаев [заслуг]»⁷⁵. Первоначально баттурами, как отдельной категорией монгольского войска, стали именоваться воины из личной охраны Чингисхана – было в ней всего 1000 человек *baatud* (множественное число от «баатур»). Вот как об этом сообщает «Сокровенное сказание»: «Затем была отобрана тысяча богатырей⁷⁶, которыми он милостивейше повелел командовать Архай-Хасару и в дни битв сражаться пред его очами, а в обычное время состоять при нем турхах-кешиктенами»⁷⁷. Именно про таких воинов личной охраны и одновременно костяка отборных подразделений для ответственных заданий и говорится в первом отрывке. Позже, во времена Юань, «батыры» отмечены как одна из категорий внутри личной охраны (гвардии) юаньских императоров⁷⁸.

Со временем слово «баатур» стало также званием для отличившихся в боях воинов, при этом получавший звание баатура одновременно жаловался кибитками простолюдинов- *харачу*. Эти кибитки закреплялись за ним для удовлетворения его материальных нужд, из их числа брались в военные походы мужчины, подчинявшиеся непосредственно своему баатуру, составлявшие как бы его личную дружину⁷⁹.

⁷³ Хэй-да... стр. 15а, текст Пэн Да-я.

⁷⁴ В «Сань-чао бэй-мэн хуй-бянь (Компиляция клятвенных договоров с Севером [в течение] трех правлений)», цзиньском источнике конца XII в., говорится: «Чжурчжэни со времени начала возникновения [их государства] руководили конницей, все воины которой представляли собой отряды по 50 человек в каждом. Впереди были 20 человек, полностью одетых в крепкие доспехи и держащих в руках пики и палицы, а сзади – 30 человек в легких доспехах и действовавших луком со стрелами», цит. по: Ван Го-вэй. Хэй-да шилуэ цзяньчжэнь... стр. 18а. Кроме того, в Цзинь существовали конные отряды войск *дю* (записывались именно тем иероглифом, который использовал Пэн Да-я в своем тексте) – они состояли в основном из монголоязычных племен, (в т. ч. киданей), разных племен тюркского происхождения (онгутов и проч.) и тунгусо-маньчжурских народностей, которые занимались по большей части охраной северных границ Цзинь. Возможно, Пэн Да-я так хотел подчеркнуть схожесть увиденных им полусотен монгольской армии с цзиньскими конными отрядами *дю*, состоявшими из тех же кочевых племен. Собственно, к 1233 г. эти войска *дю* давно перешли на сторону монголов – уже в 1215 г. они служили Чингисхану, и только очень небольшая их часть осталась верной Цзинь.

⁷⁵ Хэй-да... стр. 15б, текст Пэн Да-я.

⁷⁶ Так в переводе С. А. Козина. В оригинальном монгольском тексте СС использовано это слово во мн.ч. – *baatud*.

⁷⁷ Кешиктен – это ед. ч. от *кешиг* (название гвардии Чингисхана), т. е. «гвардеец». Цит. по русскому переводу С. А. Козина: Сокровенное сказание... стр. 144. Отметим, что в китайском переводе фрагмента СС китайские переводчики XIV в. немного иначе поняли роль этой тысячи батуров: «[Чингисхан] поручил командовать Архай-Хасару одной тысячей храбрых воинов, отобранной [им], которые в мирное время исполняли обязанности сменной охраны, а во время военного похода этим храбрым воинам было приказано исполнять обязанности авангарда», цит. по: арх. Палладий. Старинное монгольское сказание о Чингисхане // Труды членов Российской Духовной миссии в Пекине, т. 4. Пекин, 1910, стр. 49.

⁷⁸ Юань ши... стр. 2525.

⁷⁹ См., например, в ЮШ: «[Гуюк] указал каждой сотне монгольских кибиток передать одного человека на службу у батуров», цит. по: Юань ши... стр. 39.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.